

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТРУДА

Обесценивание труда?

Юрий Крупнов,
председатель
Движения развития

Недавно меня познакомили с результатами опроса учеников одной из московских школ. Среди вопросов был и такой: «Что главное для достижения успеха в жизни?» На первые места школьники поставили «деньги» и «знакомства». «Труд» оказался на последнем месте.

Что это означает?

Прежде всего, дезориентацию подростков и молодёжи в отношении труда. В их сознании предельно разведены труд и успех, заработок, карьера. Более того, успех поставлен в прямую связь с нетрудом и антитрудом: удачей, везением, «талантом», связями, собственным унижением, вплоть до прямого мошенничества или легальной кражи. Эта нравственная катастрофа унижения труда («работа дураков любит», «работа не волк, в лес не убежит»...) — одно из следствий утери в нашей стране и в мире в целом смысла и природы современного труда.

Труд перестал быть ключевой категорией общественной жизни. Об этом свидетельствует и то, что положение о значении труда в нынешней конституции страны исключено. Статья 37 Конституции Российской Федерации провозглашает, что «Труд свободен» (абсолютно не понимаю, что это означает), что «принудительный труд запрещён» и что «каждый имеет право на труд» и даже на «трудовые споры».

Труд не является значимым для «подростающего поколения» не случайно, поскольку он не является значимым, как определяет нынешний основной закон, для всей страны. Последствия этого очевидны.

И только преодолевая данное фактическое состояние можно выйти на проблему восстановления и развития труда в России и на проблему трудового воспитания.

Но чтобы произошло возвращение труда, необходимо разобраться, зачем труд нужен, почему будущее труда — приоритетная проблема и, наконец, что собой сегодня и завтра должен представлять современный труд — ведь вводить подрастающее поколение следует именно в такой, передовой, а не отсталый труд.

Мировая проблема труда

Помню, как в середине 1990 годов меня поразили заботы и печали бургомистра небольшого немецкого городка Кузе. Красивый и ухоженный городок этот расположен в районе самого северного в мире виноградарства. Во время встречи в городской ратуше бургомистр, сокрушаясь, рассказывал, что виноградарство на грани развала, поскольку молодёжь отказывается идти работать «в эту сферу».

Бургомистр пояснил, что выпускники школ куда угодно готовы идти, чем угодно заниматься (юрист, офисный клерк), на худой конец совсем не работать и жить на пособия, — только бы не работать на земле, не заниматься малопrestiжным для них сельскохозяйственным трудом.

Для меня ситуация оказалась абсолютно неожиданной. В благополучной Западной Германии точно такие же трудности, как и в России. И их никак нельзя свести

к простому объяснению, например, что элитные виноградники это, мол, «отстой» и нечего молодёжь туда загонять. Не помогает тут и указание на конец индустриальной эпохи и переход к постиндустриальному труду, к «информационному обществу» или «обществу знаний», в котором основное место занимают офисные работы и применение информационных технологий.

Это всё было бы верно, если бы можно было безапелляционно утверждать, что офисный труд сложнее, интереснее и в конечном счёте благороднее труда «виноградного» или что в постиндустриальную эпоху обесмысливаются промышленность и агроиндустрия, «перемещаясь» в отсталые индустриальные и доиндустриальные страны и регионы.

Но это не так!

Опыт последних тридцати лет показывает, что идеология постиндустриализма и верховенства «чистой бумажной работы» на деле прикрывает разрушительные для самого развитого мира процессы деградации и исчезновения труда. Выражается это в том, что уйти от привычного труда (со значительной долей физического) нетрудно — отсюда резкий рост доли услуг (в США до 80 процентов), вынос промышленности и агроиндустрий в страны первого мира, но крайне трудно и почти невозможно в массовом порядке прийти к какому-то новому социально масштабному труду.

В массе своей происходит не принципиальное усложнение и развитие труда, а фактический отказ от труда вообще и постановка в центр даже «трудовых процессов» развлечения и попыток получать вознаграждение без труда и даже за счёт отказа от труда. Выражается это в знакомых всем вещах: резко растёт количество и уровень доходов представителей так называемых «творческих» профессий, в то время как стоимость труда тех же педагогов неуклонно снижается по сравнению с экономической значимостью труда попов. Все начинают играть на бирже, пытаться срывать куш разом, стремиться к разовым выигрышным решениям любой ценой, когда «после нас хоть потоп».

Одновременно с этим отказом от труда происходят резкое упрощение труда и рост эксплуатации («выжимания пота») внутри развитых стран (появляются своего рода анклав «третьего мира» в странах Запада). Но самое важное в том, что пропадают ясные критерии труда, меняется и исчезает само понятие труда. Трудом начинают считать всё подряд. Если раньше труд рассматривался как систематическая деятельность, творящая в конечном счёте безусловное общественное благо, то теперь трудом начинают называть что угодно.

Так, трудом называется функционирование, к примеру, молодых людей в Москве в системе транснациональных корпораций, занимающихся импортом в нашу страну продуктов питания (например, мяса), которые тем самым определяют продовольственную зависимость России. Точно таким же трудом называется у нас и производство отечественных продуктов питания фермером или агрофирмой. Разницы между ними для правительства, населения, налоговых органов нет никакой. Более того, существует разница,

и немалая, в доходах, рисках и условиях жизни — понятно, что не в пользу сельского жителя.

А вот воспитание детей в семье, наоборот, трудом не считается, поскольку традиционно не имеет экономического выражения и вообще расценивается в качестве частного дела граждан. И это в ситуации демографической катастрофы в стране, когда самым дефицитным ресурсом страны становится трудоспособное население.

Хорошо известно, что с 2007 года у нас началась убыль способного к труду населения — на официальном языке так называемых трудоспособных контингентов. До 2009 года сокращение будет малозаметным — на 100 тысяч в год. Но затем начинается обвал, сокращение по миллиону в год. Очень тяжёлым будет пятилетие с 2015 по 2020 год, когда сокращение будет составлять 1,5 млн человек в год.

И вот в этой очевидной для всех критической и экономически ясной ситуации рождение и воспитание детей у нас даже не собираются рассматривать в качестве труда. А работа в казино или в фирмах, занимающихся финансовыми спекуляциями или торговлей чужими товарами, считается и будет считаться трудом. Трудом почти официально будет по-прежнему считаться и «работа» киллера или проститутки. Более того, все эти, прости Господи, «труды», если ничего не предпринимать, будут по-прежнему стоить дороже, чем труд крестьянина, учителя или врача.

Главная роль в нивелировании абсолютно разных деятельностей и уравнивании трудов принадлежит системам пропаганды (телевидение, разность в зарплатах и условиях труда), которые принуждают молодёжь принимать антитрудовое мировоззрение. При этом самые передовые — авангардные для человечества — системы деятельности, реализующие высшие достижения науки или ключевые задачи общественного воспроизводства и развития, наоборот, на сегодняшний день являются фактически неизвестными для подростков и молодёжи, не становятся предметом

активного продвижения через телевидение и СМИ, не делаются зоной соревновательного вовлечения лучшей молодёжи.

Что всё это значит?

Что труд сегодня стал мировой проблемой, которую необходимо ставить и решать, если мы действительно собираемся разбираться с трудом и трудовым воспитанием.

Бессмысленными стали любые мероприятия, построенные на идее, что любой труд — это благо. Но столь же бессмысленны и просто вредны решения о том, чтобы уходить от вопроса о труде и нетруде и сводить всё к игре рыночных сил, которые, мол, расставят всё по своим местам и сориентируют молодёжь.

Открытие Макаренко

Общество и школа, вооружённые понятием труда, могут совершать буквально чудесные вещи. Рассмотрим это на следующем примере.

Восемьдесят лет назад в СССР было совершено открытие — не только педагогическое, но и политическое.

Впервые в мире в организованном и воспроизводимом виде были показаны образовательные возможности образцового и полномасштабного, т.е. наиболее высокого по развитию, передового и предельно полезного, востребуемого труда. Оказалось, что именно такой труд определяет общественную систему, поэтому, вокруг него можно создать образовательные самодостаточные детско-взрослые сообщества, — своего рода образовательно-воспитательных «реакторы» необыкновенно высокой мощности. Такие сообщества были названы «школами-хозяйствами».

Открытие было совершено Антоном Семёновичем Макаренко, который в 1926–1928 гг. возглавлял трудовую колонию имени М. Горького (под Полтавой, с 1926 г. в Куряже близ Харькова) а в 1927–1935 гг. — детскую коммуны имени Ф.Э. Дзержинского (пригород Харькова) [http://www.kroupnov.ru/5/259_1.shtml].

Коммунары, большая часть которых ещё вчера была беспризорниками или даже осуждёнными преступниками, по самым на то время передовым технологиям производили электрооборудование и фототехнику, получали собственным трудом огромный доход, фактически существуя как полноценное эффективное предприятие.

Тем самым реализовывался главный принцип А.С. Макаренко: «Только организация школы как хозяйства делает её воспитывающей» [Там же.]. Или, как формулировал другой замечательный педагог того времени Игнатий Вячеславович Юнин (1893–1939), директор школы-колонии «Красные Зори»: «Не должно быть ни в деревне, ни в городе школы, которая бы не стремилась стать образцовым хозяйством, — городским или сельским» (важно отметить здесь прилагательное — характеристика хозяйства «образцовое»).

Для помощи приглашались взрослые управленцы, мастера и рабочие. Но все основные управленческие решения и общая организация труда — от сбыта до конструирования и текущего управления — были за колонистами.

Вот как сам Антон Семёнович описывает, с чего начинался собственный опыт создания детско-взрослого производительного сообщества: «В первые годы коммуна жила на отчисления, которые производили чекисты Украины из своего жалования в размере полпроцента. Это давало в месяц около 2000 рублей. А мне нужно было до 4000–5000 рублей в месяц, только чтобы покрыть наши текущие расходы, считая школу. Остальные 2000–3000 рублей мне достать было негде, так как и работать было негде. Были по недоразумению те мастерские, на которые ещё от Адама и Евы Наркомпрос возлагал свои надежды, — это сапожная, швейная и столярная. Эти мастерские, — сапожная, швейная и столярная, — как вы знаете, считались альфой и омегой педагогического трудового процесса, причём сапожная мастерская состояла в том, что в ней было несколько пар колодок, несколько табуреток, были шилья, молотки и не было ни одного станка, не было кожи, и предполагалось, что мы будем выращивать ручных сапожников, то есть тот тип мастерского, который нам сейчас абсолютно не нужен... Такое же было оборудование и в столярной мастерской, где было несколько фуганков, рубанков, и считалось, что мы будем выпускать хороших столяров, делая всё вручную. Швейная мастерская тоже была построена по дореволюционным нормам, и предполагалось, что мы будем воспитывать хороших домашних хозяек, которые смогут в случае чего подрубить пелёнки, положить заплату и сшить себе кофту.

Все эти мастерские вызывали у меня отвращение ещё в колонии имени Горького, а здесь я совсем не понимал, для чего они устроены. Поэтому я со своим советом командиров закрыл их через неделю, кое-что оставив для наших собственных нужд».

А дальше было принято принципиальное решение строить хозяйственную систему. Для этого нашли уникального специалиста и в течение всего двух лет привлекли средства и закупили два

самых современных на то время завода. Один по австрийской лицензии стал выпускать первые в СССР электрические дрели, а второй — по германской лицензии — узкоплёночные фотоаппараты «ФЭД». Оба вида продукции в то время были дефицитными, и уже через два года была достигнута полная самоокупаемость коммуны, в доход госбюджета пошли миллионы рублей.

Показателен момент, в котором было принято решение о производстве фотоаппаратов

Когда у Антона Семёновича появилась идея создать завод, он решил посоветоваться с ребятами. «Давайте будем делать пулемёты», — предложил один мальчик. «Хорошая идея, — ответил Макаренко и продолжил: — Но ведь у нас столько девочек. Они не смогут носить тяжёлые детали». Когда все замолчали, из толпы вдруг возник фотограф и начал снимать. «А что если мы будем делать фотоаппараты?» — предложил другой мальчик — и попал в точку. Макаренко уже вёл переговоры с немецкой фирмой, у которой они впоследствии выкупили права на производство фотоаппаратов «ФЭД» и «ФЭД-1».

Ещё один пример требований и работы Макаренко в описаниях Н.Э. Фере.

«...Сельское хозяйство должно быть построено на научных основах и вестись образцово. Поэтому, сказал Антон Семёнович, он и решил пригласить в качестве своего помощника специалиста-агронома. Он ставил задачу — во что бы то ни стало успешно закончить предстоящий весенний сев и уже в этом году полностью обеспечить потребность колонии в овощах, а в будущем году — в жирах и в молоке. Он подчеркнул, что не может быть и речи о привлечении для сельскохозяйственных работ какой бы то ни было наёмной рабочей силы, кроме небольшого числа руководителей—специалистов. Пусть ребята на первых порах будут выполнять ту или иную работу и хуже, чем опытные рабочие, но они должны почувствовать полную ответственность за своё хозяйство и не быть нахлебниками государства. Может быть, и не все колонисты сразу захотят работать, как следует, нужно суметь правильно подойти к ним, сделать работу интересной, развить в них чувство гордости за хозяйственные успехи колонии. Поэтому, сказал Антон Семёнович, он хотел бы, чтобы его помощник по сельскому хозяйству был не только сведущим агрономом, но в такой же степени и чутким педагогом—воспитателем. Антон Семёнович не скрывал трудностей работы, не скрыл он и своих сомнений в моих силах — я был ещё молод, только три года назад, в 1921 году, окончил вуз, а педагогической деятельностью не занимался вовсе. Однако весна была не за горами, и он сказал, что если я согласен работать, то необходимо не позднее середины апреля приступить к делу в Ковалёвке. Я раздумывал — как ни молод я был, у меня хватило жизненной опытности, чтобы отчётливо представить себе, какой нелёгкий путь ожидает меня. А неприветливый приём Антона Семёновича вызвал ещё опасение, что мне не удастся с ним сработаться. Мелькнула мысль отказаться от дальнейших переговоров, но молодость взяла своё: она подсказала мне, что прене-

бречь интересной работой под руководством талантливого человека только потому, что эта работа трудна, — признак непростительной слабости. В назначенный день, 14 апреля 1924 года, к моей квартире подкатила двуколка.

...Развитие животноводства Антон Семёнович поддерживал не только по соображениям замены всем столь надоевшего в предыдущие годы пшеничного «кандёра» на борщ со свиной, а пустого чая — на молоко. В развитии животноводства он видел возможность всестороннего ознакомления колонистов с сельскохозяйственным производством. Животноводство позволяло рационально использовать отходы кухни и столовой. Наибольшее внимание было уделено развитию свиноводства, которое давало возможность в самый короткий срок получить и мясо, и жиры.

Коровник и конюшня находились рядом. Уход за животными осуществлял один и тот же отряд колонистов под командой Антона Братченко. Его симпатии, как заядлого лошади, были на стороне конюшни, но и обслуживание коровника производилось вполне удовлетворительно. Правда, между ним и колонисткой Варей, страстной поклонницей «коровьего царства», возникали не раз бурные сцены и даже... драки, кончавшиеся вызовом к Антону Семёновичу и разбором на общем собрании вопроса, кто первый коснулся своей рукой противника. По установившейся традиции этот момент считался очень важным для выявления зачинщика «военных действий». Причина ссор в основном была одна: по уверениям Вари, Антон за счёт коров подкармливал лошадей отрубями, мукой и другими концентрированными кормами, в которых у нас ощущался недостаток. Этим она объясняла и случаи снижения удоев молока. Ссоры, однако, не мешали нашим «животноводкам» объединяться, когда этого требовали интересы животноводства... Поливая тёплой водой и энергично растирая визжащую свинку щётками, ребята деликатно упрасивали её «вести себя тихо». Но не всякая свинья понимала... В новом помещении

ребята начали терпеливо приучать к чистоте всё наше поголовье... Порядок в свиарнике, хорошая упитанность свиней и своевременно принятые предупредительные меры спасли наше стадо от чумы, уничтожившей почти полностью поголовье свиней в округе на несколько десятков километров. У нас ни одна свинья не заболела чумой... [С весны 1927] механизация сельского хозяйства прочно вошла в жизнь колонии и помогла разрешить немало стоящих перед нами проблем. За очень короткий срок в колонии имени М. Горького выработалась стройная, проверенная практикой система сельскохозяйственного трудового обучения колонистов» [http://www.kroupnov.ru/5/259_1.shtml].

Выдвигая и практически реализуя программное положение, что «только организация школы как хозяйства сделает её воспитывающей», А.С. Макаренко выступал против подчинения интересов образования и воспитания непосредственным производственным интересам.

Логика была в том, что высокоэффективное передовое и сложноорганизованное производство задаёт такие требования к подросткам, что возникает возможность эффективного образования и воспитания. Хозяйство должно быть образцовым, совершенным — именно это делает труд в таком хозяйстве не только высокопроизводительным и рентабельным, но и образцовым, а отсюда и воспитывающим.

Рассказывают, что в последний год работы Антона Семёновича в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского руководство НКВД (в чьей системе находилась коммуна) стало предлагать, чтобы «не мучить детей» и увеличить производительность завода, убрать с производства ребят и поставить на их место взрослых-профессионалов. Макаренко ответил: «Мы здесь не фотоаппараты делаем, а людей».

Разумеется, воспитывал при этом не только образцовый труд, но и учёба, быт, которые, опять же, организовывались именно как образцовые.

Поэтому центральным в методе Макаренко было создание образовательного

сообщества, образовательность которого была центрирована на труд, производилась через труд и через данный образцовый труд получала свою полноту и истинность.

Детско-взрослый коллектив сам определял нормы и стиль жизни в своём сообществе, практически формировал единый динамичный социально-культурный организм. В определённой мере такое детско-взрослое хозяйствующее и самоуправляющееся сообщество напоминало античный полис, т.е. город-государство, и выступало оригинальной формой жизни (http://www.kroupnov.ru/5/89_1.shtml) неотрадиционного типа, соединившей в себе новые для того времени индустриальные механизмы и отработанные веками принципы самодостаточных образцовых сообществ.

Ставящий амбициозные задачи и динамично развивающийся вокруг образцового труда коллектив-сообщество — вот открытие Макаренко. Именно об этом, ещё как проектом видении, писал А.С. Макаренко Максиму Горькому 16 июня 1926 года: «Потонуть в здоровом человеческом коллективе, дисциплинированном, культурном и идущем вперёд, а в то время и русском, с размахом и страстью. Задача как раз по моим силам. Я теперь убедился, что такой коллектив в России создать можно, во всяком случае, из детей».

Не случайно Антон Семёнович имел все основания утверждать: «Я достиг положения, что мог брать группы по 50 человек прямо с вокзала. Я брал, скажем, сегодня вечером, а завтра я не беспокоился, и никто не беспокоился, как ведут себя вновь принятые дети в коммуне». И за восемь лет работы в колонии им. Горького (не говоря уже про ситуацию в коммуне им. Дзержинского) педагог ни одного (!) из привезённых ему под охраной преступников не возвратил в тюрьму.

Открытие Макаренко состоит в том, что он, поняв, что такое труд, что подлинный труд собственно и производит людей и качество их жизни, то есть конкретно-историческое достоинство и состоятельность, поставил труд в основу образования. **НО**